

РУССКИЙ ЯЗЫК: СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС?

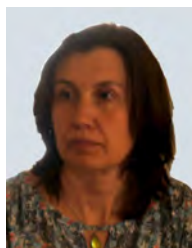
А.П. Чужакин,
*Московский государственный
лингвистический университет*

И.С. Алексеева,
*Санкт-Петербургская
высшая школа перевода
РГПУ им. А.И. Герцена*

Р.Э. Романчик,
*Институт германской,
романской и славянской
филологии Тартуского
университета*

К. Кару,
*Центр перевода Тартуского
университета*

Б.В. Кондаков,
*Пермский государственный
национальный
исследовательский
университет*

Т.Н. Чугаева,
*Пермский научный центр
УрО РАН*

С.С. Назмутдинова,
*Пермский научный центр
УрО РАН*

Н.Е. Шпак,
*Пермский научный центр
УрО РАН*

4 июня 2014 года в Пермском научном центре Уральского отделения РАН состоялся круглый стол на тему «Кризис русского языка и культуры – есть ли свет в конце туннеля?». Проблемы современного состояния русского языка обсуждали участники I Международной научной конференции «Русский язык в билингвальном переводческом дискурсе», организованной Пермским национальным исследовательским политехническим университетом 2–4 июня 2014 года в г. Перми в рамках программы по поддержке русского языка и образования на русском языке Министерства образования и науки РФ и Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Ключевые слова: русский язык, кризисы в истории развития языка, культура речи.

*Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискusstных,
быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется.
Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого.*

А.С. Пушкин

А.П. Чужакин. Дорогие друзья, сегодня мы обсуждаем, благодаря любезному приглашению коллег из Пермского научного центра, проблемы русского языка на современном этапе в первые 15 лет нового тысячелетия. Во-первых, спасибо за такое спонтанное приглашение, в стиле Перми, искреннее, душевное, радужное.

На мой взгляд, и этот взгляд разделяют другие специалисты в области перевода, русский язык и культура находятся, конечно, в системном кризисе. Почему так важно мнение переводчиков, специалистов, имеющих переводческое образование? Мне кажется, что специалисты по переводу находятся в благоприятном положении; переводчик – это своего рода «царь горы»: он видит и любит иностранный язык, знает все его особенности, преимущества, красоту. И с этой же горы он видит красоту и глубину родного языка и родной культуры. И поэтому многие переводчики озабочены состоянием русского языка именно сейчас, в постсоветское время, когда русский язык оказался *в позиции слабости*. Меня попросили об этом рассказать подробнее. Это вызвано объективными причинами – социально-экономическими, сдвигом и изменением социального строя и другими объективными причинами – появлением интернета, глобальной цивилизации, электронных средств коммуникации, конечно, расширением контактов меж людьми. Все это замечательно, но, к сожалению, нравится нам это или нет, влияние английского языка на русский выходит на первый план. И русский язык, получается, переживает серьезную ломку. Складывается впечатление, как я писал в одной из моих статей, что против русского языка ведется война. Скорее, речь идет о гражданской войне. И впечатление такое, что боевые действия по всем фронтам возглавляют журнали-

сты, которые слабо знают иностранные языки и недостаточно хорошо владеют русским. Они не понимают, что нельзя механически переносить на родную почву английские слова и конструкции, хотя русский язык гибок и, в отличие от других языков, легко впитывает иностранные слова.

Если мы возьмем финно-угорские языки, тот же венгерский или эстонский, то там иностранные выражения просто переводят. В Будапеште, не зная языка, вывески не прочтешь, поскольку все они на венгерском. Что касается письменного текста, то читателей гламурных и деловых изданий раздражает написание брендов, названий компаний, газет и журналов на латинице. Существуют же русские эквиваленты Таймс, Дейли мейл, Форд, Джeneral Моторс. Все они давно устоялись, и нет необходимости давать их или какие-то новые на латинице. Где-то в специальных текстах это может быть оправданно, но я думаю, что в СМИ их надо давать по-русски, а при необходимости – в скобках вариант на латинице. Ведь ни на английском, ни на китайском, ни в тексте на иврите вы не встретите кириллицу. Ни-ког-да!

Надо помнить, что язык и алфавит – это самобытность, культура, наследие, великая литература, поэзия. Ни один народ, как бы мал он ни был, никогда не признает свой язык и культуру второстепенными. Наш алфавит сложный, не так хорошо читается, не так красиво выглядит в шрифтах, но это наше достояние, от которого нельзя отказываться. Более того, единственное, что связывает в нашем расслоившемся обществе богатых и бедных, успешных и неуспешных, разные регионы – это алфавит. Отказ от кириллицы приведет к эрозии культуры.

Я бы выделил четыре угрозы, которые стоят перед русским языком.

Первая – это безграмотность в устной и письменной речи. Я не говорю, конечно, о некоторых фонетических особенностях регионов типа твердой *ч* или мягкой *ц*. Это часть культурной самобытности региона. Но больше всего раздражают неправильные ударения. Все-таки грамотная устная, а тем более письменная речь, – залог успешной карьеры. Работодателя не очень-то радует неграмотная записка или письмо.

Вторая угроза – криминализация языка и культуры. Это использование слов из уголовного жаргона – *разборка*, *наезд*, *беспредел*, что отражает ситуацию, которая сложилась в 1990-е годы. В нас воспитывают пиетет перед криминальной культурой, блатной романтикой. Я считаю, что такие слова должны «сидеть на нарах» вместе с их носителями. Другой аспект – слова стираются от постоянного употребления. Возьмите выражение *быть в шоке*. Оно банально, претенциозно, потому что это калька с английского «*to be in shock / in pain*». Тем более что выражение «я в шоке» – это негатив, жаргон гламурных типажей. Русский язык предлагает другие варианты: *я потрясен, подавлен, выбит из колеи*. *Беспредел* и *шок* – это банальные выражения, которые демонстрируют банальность мышления. Люди, мыслящие глобально, все-таки стараются искать другие слова. Надо уметь найти хороший синоним или перевод слова.

Третье, что угрожает русскому языку, это вульгаризация языка и культуры, то есть употребление грубых, так называемых табуированных слов. Проще говоря, мата. И в устной речи, и в письменной. Вот картинка с натуры. Идет миловидная девушка и говорит по мобильнику в стиле «а ля грузчик в порту». Некоторые говорят, что Пушкин в письмах мат употреблял. Но письма – вещь интимная. Все дело в приемлемости употребления. В устной речи на телевидении, в переводах иностранных фильмов все должны быть представлено в политкорректном дипломатичном виде. Все-таки людям старшего поколения слушать такое болезненно. Для любителей мата можно выпускать фильмы с

откровенным переводом на DVD. Конечно, слово *fuck* встречается в американских фильмах на каждом шагу. Оно появилось в произведении «Любовник леди Чаттерлей» в 20-е годы прошлого века и потом пошло-поехало и от этого стерлось. Среди переводчиков много непрофессионалов, которые не понимают, что это слово абсолютно стерто в английском языке, это аналог русского «пошел к черту». И американская норма это слово уже допускает, причем в хороших фильмах типа «Крестный отец». Но русская культура – это все-таки культура высокая, а не культура Микки-мауса и кока-колы.

И последний важный аспект – излишнее заимствование и адаптация англо-саксонской культуры, что свойственно и устной, и письменной речи. В письменной речи – это появление чужеродной латиницы, в устной – употребление заимствований, имеющих русские эквиваленты. Зачем говорить «интервью» (и даже «джоб интервью»!), когда есть «собеседование»? И чем слово «мерчендайзер» лучше «товароведа»? Или выражение типа «выпущено полтора миллиона копий»? Все-таки книги, журналы и диски расходятся экземплярами, а копия – это уже пиратство. Это, как правило, вымышленный суржик офисного планктона, как я его называю. Он, конечно, вызывает раздражение у других слоев населения, и эти тенденции больше характерны для Питера и Москвы. Я много езжу по стране и вижу, что местная пресса написана неплохим русским языком, потому что простые люди в регионах не будут читать то, что им непонятно, а в столичной прессе это можно встретить.

Существует мнение, что наш русский язык пережил и «онемечивание», и «французивание», и «отюречивание», однако он не стал ни немецким, ни французским, ни тюркским. Он остался русским. Может быть, не так страшна и волна американизации?

На мой взгляд, исторически можно выделить три кризиса, точнее, три с половиной эпохальных момента изменения русского языка.

Это петровская эпоха, когда реформы и новая открытость страны западу привели к появлению новых реалий, новых ситуаций и новых слов. Все это было очень хорошо усвоено русским языком, мы до сих пор используем эти слова, даже не подозревая, что армейское *есть* – это английское *yes*.

Вторая ситуация разлома и тектонического сдвига для русского языка – это Октябрьская революция. Тогда появились абсолютно новые реалии, и нужны были новые слова для обозначения этих реалий. Но тут, на мой взгляд, русский язык воспользовался внутренними ресурсами, практически было не так много иностранных слов. Изменились термины, возникли абсолютно новые названия. Например, слово *нацмен* – представитель национальных меньшинств. Или слова-телескопы типа *главнаобраз*, уродливые и смешные, но здесь язык использовал внутренние ресурсы.

И тут хотелось бы упомянуть недавнюю забавную лингвистическую виньетку президента Путина – *уконтрапунить* – то, что вызвало изумление и повергло в шок синхронных переводчиков. Потому что я не уверен, что контекст был ясен в этом высказывании. Оказывается, ноги произрастают из 20-х годов и слово *уконтрапунить* использовали Маяковский, Зощенко, а потом Высоцкий. Есть цитаты, есть отрывки из стихов и произведений. Здесь ключевая часть *контра* (контрики, контрреволюционеры), то есть «разделаться», конечно, имеющая негативный оттенок. Говоря профессионально, это очень опасно, когда руководитель страны вдруг взрывается таким совершенно неожиданным для переводчика и не совсем понятным словом. Хотя конечно, это очень сильно привлекает внимание к общему высказыванию.

Ну, я отвлекся, вернемся в 20-е годы. Тогда русский язык развился, обогатился, появился большой серьезный пласт и в синтаксисе, и в стилистических регистрах, которые, я думаю, достойны изучения.

Следующая половина кризиса, своеобразный полуэтап, мне кажется, – это время Великой Отечественной войны. Большие территории были захвачены, немецкая культура, не только немецкий язык, продвигалась, когда появилось много немецких слов и выражений вроде *хенде хох*, вошедших в мифологию, в детские игры. Для людей старшего поколения немецкие фразы из фильмов, литературы, вошли в язык как варваризмы, оказали значительное влияние на русский язык.

И, конечно, самый грандиозный кризис и слом – это 90-е годы. Изменилась вся социальная система, сменились экономическая формация, социальные установки, и в эти годы русский язык стал выступать с позиции слабости, с позиции стороны, которая пассивно воспринимает и не сопротивляется внедрению и громадному давлению со стороны иностранного языка. Что, конечно, объясняется появлением глобального спутникового телевидения, радио и новой открытостью страны. Это усугубилось потом и появлением интернета. Никогда не было такого количества международных контактов, взаимодействия, взаимопроникновения, что само по себе замечательно, но тяжело для языка. Сейчас этот кризис, к сожалению, продолжает набирать обороты. И все это происходит на фоне невиданного падения культуры, образованности, эрудиции, причем во всем мире, но на Западе, считая, уровень образованности был гораздо ниже, чем у нас.

Наконец, нельзя не обратиться к извечным русским вопросам «кто виноват?» и «что делать?». Кто испортил русский язык? Испортили мы все, одни активно, другие пассивно – своим непротивлением. К языку, как и к музыке, нужно иметь слух. У одних он врожденный, другим его надо разрабатывать. И если в советское время основной проблемой был канцеляризм, то сейчас язык совершенно раскрепостился. Его можно сравнить с немолодой женщиной, которая публично раздевается.

Есть другая точка зрения, и многие разделяют ее. Вот Павел Русланович Полажченко, наш гуру перевода, например, считает, что ничего особо страшного нет, что язык адаптируется. «Русский язык очень гибкий, и язык просто раскрепостился», – говорит Полажченко. Но раскрепощаться тоже надо до определенной меры. Раскрепоститься, конечно, замечательно, но русский народ в этом плане меры не знает. И в университете все-таки студентам показываться в, простите, спортивных трусах, наверное, не очень хорошо, даже в жару, что мы видели сегодня. В эпоху Петра не было электронных СМИ и, конечно, русскому языку было легче и удобнее все это переварить.

И.С. Алексеева. Отсутствие бород, Андрей Павлович, было гораздо более страшным событием для русского ритуала, чем трусы.

А.П. Чужакин. Да, да, потому что оголенность была, но с другого конца.

Что делать? Рядовому носителю языка, к сожалению, сейчас трудно, потому что нельзя ориентироваться на язык телевидения, газет, других СМИ. Вечный совет на все времена – читать хорошую советскую и русскую литературу. А переводчикам, филологам, лингвистам нужно отслеживать тенденции, корректно объяснять, как говорить правильно, привлекать внимание к правильности речи. Надо заниматься просвещением. Ну и конечно, надо бить тревогу по поводу ситуации, бить в набат, в лингвистический, переводческий набат.

Есть такая пословица английская: «Keep your sympathies with the underdog» (Сочувствуй побитой собаке). Конечно, надо жалеть, сочувствовать, но не хотелось бы быть в роли побитой собаки, для этого много надо делать, и многое уже делается: и законы, и попытки ограничить обесцененную лексику. На мой взгляд, это скорее хорошо, чем плохо. И различные законодательные инициативы, и закон о русском языке, и даже тайная орфографическая полиция в Москве. Я знаю инициативы на местах, когда сту-

денты лингвистических вузов обращают внимание на ошибки в меню: в Пятигорске, в Перми студенты записывают и потом обсуждают ошибки в русском языке.

Новый аспект этого кризиса в последние два года, который характерен для больших крупных городов, – это появление огромного числа мигрантов, гастарбайтеров, которые приносят с собой чуждые интонации, чуждые звуки, чуждую культуру и незнание русского языка. Честно говоря, в Москве это очень сильно раздражает, когда слышишь какие-то дикие интонации, повышенный тон разговора, которые для них нормальны. Но режет ухо очень сильно. Для них это является нормальным. Это уже проникает в письменную речь, хотя пока что в малой форме, это режет очень сильно, влияет на носителей русского языка. Тем более, что сейчас в Москву приезжает не элита, не национальные кадры учиться балету и медицине, а понятное дело, – наоборот. Это не очень политкорректный аспект. Я должен признать, что в Москве очень многие относятся к этому с возрастающим раздражением, когда правила игры большого города не только не соблюдаются, но и нарушаются. Конечно, это вызывает очень сильное отторжение.

Ну и еще один момент – это очень сильное обеднение устной речи у молодежи и в СМИ. Господство клише, уже набивших оскомину, бедность словаря, несоблюдение стилистического регистра – это в СМИ, а в речи молодежи – это крайне бедный словарь и наличие огромного количества бессмысленных и очень прилипчивых вводных слов.

Примеры этого: *ну, проста, эта* (с москальским выговором), *короче, там, на самом деле* (здесь смысл какой-то есть). А вот *ТАМ*, довольно новое словечко, очень прилипчивое, которое часто в речи наших лидеров, не в значении «здесь-там», я должен признать, и ко мне прилипает. Понятно, что это слово лучше, чем мычание, эканье и т.д. Но все равно, за этим нужно следить и, конечно, нужно себя контролировать. Тем более людям,

которые вещают с высоких трибун и чьи слова отливаются в бронзу... Не хотелось бы, чтобы это латунь была, которая проржавела бы на следующий день. И конечно, *КАК БЫ* – замечательное слово, это *как бы* немисливо прилипчиво, но оно *как бы* показывает социальный статус интеллигентного человека, однако такое неприятное это слово.

Позвольте мне на этом закончить, дорогие коллеги, спасибо за внимание, и теперь предоставить слово другим участникам.

И.С. Алексеева. Можно мне слово предоставить? Выскажу свою точку зрения.

Во-первых, у меня нет ощущения кризиса, особенно системного. А во-вторых, в каком-то смысле, мы имеем дело, как мне кажется, с такой же ситуацией, в которой очень хочется повернуть реки вспять, распилить землю, достать ядро и т.д. То есть борьба с природой хорошо не заканчивается.

С моей точки зрения, также нет опасности, что русский язык подвергается натиску английского или что-нибудь в этом роде. Русский язык живет и развивается, как и все языки, и в этом развитии у него вот такая стадия, как и у всех языков.

Немного можно поиграть с термином, как это у Вас было? Позиция слабости – позиция силы. Но мне кажется, что это геополитическое понятие. И позиция слабости, и позиция силы в лингвистическом плане могут быть связаны только с тем, что язык большой. Есть малые языки и большие языки. У большого языка больше ответственности, но мне кажется, что пришло это понятие еще от имперского сознания. В этом смысле я очень рада, что у нас позиция слабости, наконец-то, может быть, есть какой-то симптом избавления от имперского сознания.

Теперь о вот этом состоянии, с которым надо бороться. Вы знаете, что в начале конференции я выступала с докладом «Борьба за русский». И не случайно это так назвала, потому что мне кажется, что надо бороться. Но полиция – это вот оттуда, из имперского сознания, создать полицию, которая будет тайно там что-то...

Мне кажется, пора переходить к нормальному мышлению граждан, каждый из которых отвечает за страну. Если граждане отвечают за страну, каждый гражданин должен бороться.

Когда я вижу в меню ошибку, что я делаю? Я иду туда, в заднюю комнату, и говорю: «Исправьте, пожалуйста». Я не скандалю, не говорю: «Что такое? Мне тут какое-то безграмотное меню подсунили!». Я просто говорю, что я специалист и рекомендую вам написать так. Когда я летела на самолете Уральских авиалиний, то увидела там ошибки крупным шрифтом на каждой странице и написала аргументированное большое письмо в редакцию. Правда, до сих пор не ответили, прошло две недели уже. Но это дело я так не оставляю. Более того, я им написала, что в Перми я обнародую эти ошибки на конференции. Я это сделала.

То есть мне кажется, что люди более или менее образованные, а в России до несчастного 17-го года считалось, что студент второго курса уже в идеале владеет русским языком, потому что профессора его научили. Так вот, любой человек, который уже овладел русским языком, а если не очень овладел, то он должен над собой работать, и каждый из нас должен над собой работать, он обязан поправлять русский язык. Потому что беда, которую я вижу, это и не беда вовсе, а состояние плавающее любого языка, у которого нет авторитета, и слава Богу, может быть, что нет какого-то авторитета, который бьет по голове. Зато есть нормы, уже устоявшиеся, в русском языке есть Розенталь, например, и с ним можно свериться, и каждый, кто уже на второй перешел, в принципе владеет русским настолько, чтобы участвовать в его совершенствовании и сохранении этих рамок. Нормы нужны, потому что нужна какая-то консервативная основа, на которой мы коммуницируем. Все остальное, я считаю, это субъективные соображения. Что касается того, что Андрей Павлович задал некие пункты, я бы по-другому пункты построила, ну вот эти. Русский язык мигрантов? Я не позволяю

себе реагировать на какие-то из них – на ломанный язык, не совсем правильный язык иностранцев. Я мигрантов здесь не выделяю. Ну а не совсем правильный язык немцев моих любимых? Или французов?

Мне кажется, что этим вообще нельзя раздражаться. В принципе, нельзя позволять себе раздражаться. Это моя позиция, нравственная основа, мы не должны упрекать человека в том, что коммуникативным кодом лингвистическим он владеет не вполне. Надо помочь ему в этом, причем толерантными методами. Вот моя позиция относительно русского языка. Я считаю, что все это могут делать. Сейчас мы обсуждаем эту проблему в научном центре, который имеет больше возможностей, чем отдельный гражданин. Мне кажется, что должна быть пропаганда русского языка, как и любого другого. Пропагандируют же французы свой французский язык! И ничего в этом такого нет. Пропаганда – это хорошо, когда мы понимаем ее цели и отвечаем за ее последствия. Пропаганда – плохо, когда кто-то тобой манипулирует, и ты не знаешь, зачем и поддаешься ей. А пропаганда русского языка должна быть, должны быть праздники русского языка, какие-то события, которые обращают к его красоте сердца людей. Вот это я бы на данный момент добавила, все остальное может быть в дискуссии потом.

А.П. Чужакин. Я недаром назвал ситуацию с мигрантами некорректной. Конечно, больше эмоций в Москве. Потом, гастарбайтеров, наверное, в сотни раз больше, чем любых иностранцев. И московские власти делают много, пытаются их обучить, но, может быть, это надо было несколько раньше делать, сдавать экзамены...

И.С. Алексеева. Нет, ситуация, известная по миру. Например, в Германии 4 миллиона незарегистрированных русских и 2 миллиона зарегистрированных: 6 миллионов русских на страну с 80-миллионным населением. Это очень много. Но из этого не происходит вывод, что это они наш немецкий коверкают. Отсюда недалеко до известного поворота.

А.П. Чужакин. Да, но мультикультурализм... Здесь более или менее одна цивилизация, когда уже несколько цивилизаций, когда вместо войны идеологий идет конфликт цивилизационный – это очень тяжело.

И.С. Алексеева. Это не наш вопрос, не вопрос русского языка. Я бы поднимала вопрос, как обучать грамотному русскому, это да. Это наша тема.

А.П. Чужакин. Это влияние на культуру, на язык, которого просто не было раньше, в 90-е, по понятным причинам.

И.С. Алексеева. Поликультурность – это всегда хорошо. Когда в Испанию пришли одни, другие, третьи, там сейчас семь культур, арабская культура, еврейская культура, германцев, римлян. И все это вместе взятое – семь культур плюс еще своих пять языков.

От поликультурализма вреда еще не бывало, потому что культура же очень живая, ей удастся сохранить свое ядро, не интерферироваться полностью, даже в древних культурах. Если взять шумерскую культуру, Вавилон, один же не поработил другого, они же не перемешались. Так что я не вижу тут ничего страшного, я понимаю эмоции обывателей, но они необдуманные, чисто эмоциональные...

А.П. Чужакин. Эта реальность больших городов, я думаю, приводит к межнациональной розни. Недавно опубликована карта межнациональной напряженности, карта межнациональных отношений. Красным отмечены Питер и Москва, остальное желтое, зеленое...

Р.Э. Романчик. Если позволите, я начну. Нас просили немного рассказать, что происходит с русским языком в Эстонии. Прежде чем обратиться к языку диаспоры, позволю себе высказать некоторые соображения по поводу того, что сейчас происходит или не происходит с русским языком.

Когда речь заходит о «кризисе» языка, оценивается главным образом язык людей образованных, т.е. получивших образование, – как правило, даже высшее: грамотность портового грузчика едва ли

заставила бы так сильно беспокоиться. И журналисты, которых Андрей Павлович объявил генералами в войне против русского языка, и копирайтеры (!) Уральских авиалиний — это люди с высшим образованием. Эти примеры, в частности, заставляют меня сильно усомниться в справедливости высказанного Андреем Павловичем и, казалось бы, очевидного тезиса: «Все-таки грамотная устная, а тем более письменная речь, — залог успешной карьеры». Если бы это было так, нам бы не встречались на каждом шагу безграмотные тексты (письменные и устные). Так что я, к собственному сожалению, прихожу к выводу, что и сейчас чрезвычайно распространено мнение, что студент второго курса в совершенстве владеет языком. И сам он так считает. И работодателя все устраивает.

В связи со сказанным мне хотелось бы напомнить о том, что, согласно социологическому подходу, литературным языком считается подсистема национального языка, которой пользуются люди, выросшие в городе и получившие как минимум среднее образование на данном языке. (Разумеется, речь только о тех, для кого данный язык является родным). Иными словами, язык, которым указанная социальная группа пользуется, и является литературным. Соответственно, для нее (группы) он является НОРМАЛЬНЫМ. Дети и молодежь растут в такой языковой среде. Важно при этом, что языковая среда — это не только речь, но и языковая культура в целом. В частности, отношение к слову.

Если мы обратим внимание на современное состояние других европейских языков, станет очевидно, что и в них налицо проявления того, что многие склонны расценивать как кризис. Так что это общая, как минимум, европейская тенденция.

Процессы демократизации, которые в Европе зародились в эпоху Возрождения, сначала привели к появлению этнических или региональных литературных языков. На XVIII–XIX века приходится апогей становления национальных языков, к на-

чалу прошлого столетия происходит их кристаллизация, а приблизительно к середине века — в связи с развитием систем школьного образования — литературные языки получают широкое распространение, утверждаясь и в тех социальных группах, которые прежде данной подсистемой не пользовались, вытесняя при этом другие подсистемы. (Конечно, сейчас я привожу очень обобщенную схему: каждый язык имеет свою историю, языки включаются в такую схему на разных этапах и временные рамки могут колебаться). Так, описанный процесс отражает то, что принято называть *демократизацией языка*.

Что касается русского языка, именно язык середины прошлого века мы и принимаем за эталонный современный литературный язык. Но ведь процесс демократизации языка (и культуры в целом) в этой точке не остановился! Напротив. Хотя процесс неравномерен во времени и пространстве: в отдельные периоды где-то протекает интенсивнее, где-то более плавно, где-то поступательно, где-то рывками. В России (и СССР) демократизация культуры на всем протяжении двадцатого столетия происходила очень интенсивно (подчеркну, что я говорю о культуре, а не о политике, хотя последняя, несомненно, отражает общее состояние культуры). Это проявилось во всех сферах нашей жизни.

Андрей Павлович вспоминал о, пардон, трусах в университете. Этот пример очень хорошо иллюстрирует, как мы изменились. Мы почти перестали разделять одежду по назначению: в театр мы ходим в этом, на работу в том, в гости — в чем-то еще, а спортивные трусы надеваем в такой-то ситуации — исчезла строгая дифференциация. Гардероб современного мужчины практически любого социального уровня и возраста вполне может ограничиваться джинсами, футболкой и джемпером или пиджаком — варьируется количество вещей и их цена. С языком получилось то же самое: мы утратили стилистическую чувствительность: у нас один язык (стилистический регистр) на

все случаи жизни. Смещение и, более того, неразличение стилистических регистров наблюдается постоянно (канцеляризм, вульгаризмы, просторечие или что-то еще – болезнь-то одна).

Мы утратили чуткость к слову, стали глуховаты! Я намерено использую местоимение «мы», поскольку тоже вовлечен в этот процесс, как, думаю, каждый носитель языка; степень вовлеченности, конечно, разная. Я оцениваю такое явление как глухоту, поскольку знаю о существовании стилистических границ. Для человека же, который живет в блаженном неведении о них, нет никакой проблемы: для него стилистическая недифференцированность (или произвольная дифференциация по собственному разумению) – естественное состояние языка. Для нас ведь естественно, что мы не различаем столько цветов, сколько различает стрекоза – мы вполне успешно обходимся тем, что видим. Так что дело не только в том, что человек говорит, нарушая норму, а в том, что он не замечает, как ее нарушают другие! Следовательно, такой язык (или такое использование языка) вполне пользуется общественным одобрением, т.е. характеризуется достаточной конвенциональностью, иными словами, удовлетворяет общество, которое им пользуется.

Мы все хорошо знаем, что за все на свете надо платить. На сегодняшний день уровень всеобщей грамотности выше, чем когда-либо прежде. Неукоснительно растет процент людей с высшим образованием. И мы радуемся этому – как не радоваться, если образование стало массовым?! «А прежде, много лет назад, странно правил царь/ И были не у всех ребят тетрадки и букварь»... Не может массовое быть элитарным! А надо признать, что образование, как и изящная словесность, прежде были достоянием элиты (чем дальше назад по оси времени, тем элитарнее). Так что за происходящим – простая диалектика перехода количества в качество, что, собственно, мы и наблюдаем в современном языке (речи).

Таким образом, все, что происходит сейчас с языком, вполне закономерно, является естественным продолжением тенденций, начавшихся отнюдь не в последние десятилетия. Потому я не стал бы говорить о кризисе: язык живет вместе с обществом, которое он обслуживает. Кризисной была бы ситуация, в которой язык перестал быть адекватным обществу, удовлетворять его потребности.

Если взглянуть на проблему с этой точки зрения, то, возможно, многие явления предстают в несколько ином свете.

Кроме того, давайте вспомним и о таком обязательном признаке литературного языка, как *престижность*. Ориентируясь на него, можно вывести простое правило: какова элита, таков и язык.

Позволю себе некоторую реплику в сторону Андрея Павловича по поводу гастарбайтеров. Что должно произойти, чтобы язык гастарбайтеров стал настолько престижным, чтобы вся страна захотела ему подражать? В 90-е годы в моду вошел «базар», он стал «реально авторитетен». Это очень хорошо почувствовали политики, поэтому политик любого ранга позволяет себе жаргонную лексику. Позволяет? Нет, он ее намерено использует. Это далеко не всегда безграмотность – это чувствительность политика (или его имиджмейкеров) к конъюнктуре. То же самое касается журналистов, ведущих популярных теле- и радиопередач, сценаристов и т.п., которые жаргонизмами, вульгаризмами, варваризмами, да и всей стратегией речепорождения доказывают, что от народа они совсем не далеки. Они просто дают то, чего от них ждут. Прозвучавшая публично речь авторитетного человека для многих является если не актом текстовой кодификации, то позволением точно. Вот круг и замкнулся.

Отстать от актуальных тенденций – отстать от жизни. При современных темпах это очень страшно. Потому даже опытные дикторы с поставленной когда-то речью, актеры, сыгравшие за свою карьеру не одно классическое произведение, да и просто люди старшего поколе-

ния, выросшие в иной языковой культуре, быстро и охотно перешли на новое койне. Они говорят так не потому, что не умеют иначе, а потому, что хотят говорить именно так. Давайте задумаемся: человек не преимущество свое осознает от того, что владеет литературной нормой, а, напротив, готов ею пренебречь ради сопричастности современности и молодости!

Что же до «мерчендайзера», «джоб-интервью», то за подобными словами явно стоит мечта о капиталистическом рае. Не нисхождение с вершин «высокой культуры» к «культуре Микки-мауса и кока-колы», а бегство от мира, в котором хамоватые тетки-товароведы распределяют материальные блага, попирая светлую веру в справедливость, в мир чистых респектабельных офисов (которые убирают клининг-менеджеры); бегство от коммуналок в мир небоскребов, престижных коттеджных поселков и вилл. Потому сегодня и оказываются эти слова «лучше», что являются символами лучшей жизни, лучше отражают настроения, ожидания, чаяния носителей языка.

Не могу сказать, что мне эти заимствования нравятся, но уверен, что никакой угрозы системе русского языка они не несут. Часть заимствований действительно приживется и прочно войдет в словарный фонд, часть потихоньку отсеется. Лексическая система языка является открытой и динамичной – и это ее огромное достоинство, а не недостаток.

Нам, как погруженным в речевую культуру диаспоры, т.е. смотрящим на язык метрополии со стороны, какие-то моменты, возможно, заметны лучше. И потому, что это взгляд со стороны, и потому, что есть возможность наблюдать за ситуацией авторитета другого языка несколько иной природы. Часто говорят: «Эстонский язык сильно влияет на русский, русский портится под влиянием эстонского». Но если я слушаю студента, который приехал из России, а в последнее время у нас их, слава Богу, немало, и студента, который окончил русскую школу в Эстонии, больших различий я не слышу.

То есть я не могу сказать, что язык россиянина краше, богаче, он лучше умеет им пользоваться, или наоборот хуже. Нет. А значит, дело и ни в эстонском, и ни в английском.

Теперь немножко о специфике эстонской ситуации и языке диаспоры (европейской) вообще. Главная особенность функционирования языка национального меньшинства заключается, на мой взгляд, не в постоянном контакте с другим языком (хотя это очень важное обстоятельство), а в отсутствии полной функциональной парадигмы: какие-то стили, жанры не реализуются на практике в принципе. Соответственно, уровень владения такими стилями и жанрами стремительно падает. Особенно серьезной эта проблема оказывается при подготовке переводчиков: при переводе официального текста с эстонского на русский переводчик вынужден обходиться теми языковыми средствами, какими владеет. Вот и получается текст: эстонские конструкции русскими словами или – нередко – кальками с эстонского, несколько канцеляризмов для солидности и разговорно-обиходная разновидность русского языка. Очевидно, чем дальше, тем заметнее будет становиться эта проблема.

Еще более жалкий родной язык у тех носителей русского, которые получают образование в школе с обучением на эстонском языке. У них функциональная парадигма языка в принципе разрушена. Точнее, она не формируется. При этом мне хотелось бы подчеркнуть, что данное явление – не результат агрессии эстонского языка, а следствие отношения к своему языку людей, для которых русский является родным. И выбор языка школьного обучения, и поиск путей восполнения языкового образования – дело родителей. Дело не в недостатке возможностей, а в отсутствии желания.

Что же касается русского языка, который я слышу сегодня, мне трудно сказать, что в Эстонии он принципиально отличается от языка России – в основном действуют те же тенденции. Хотя с филологи-

ческой точки зрения дискурсивные практики диаспоры изучать любопытно: у нас довольно много заимствований, пришедших, главным образом, из-за того, что мы просто не знаем, как предмет или явление называется в России. Да, на самом деле, обывателю и не важно это знать. Какие-то слова, при этом, россиянам будут понятны, к примеру, в докладе, который мы читали вчера – *арестный дом*. Можно догадаться, что это такое, – СИЗО.

А.П. Чужакин. Это калька с эстонского, да? Кстати, был *работный дом* у Диккенса. Это идет по модели *арестный дом*, мне очень понравилось.

Р. Романчик. *Арестный дом* в русском языке тоже есть. Только ни современное значение, ни дореволюционное не совпадает с эстонским.

Р.Э. Романчик. А какие-то заимствования понять россиянину или представителю другой диаспоры невозможно. Например, слово *контактизик*. Даже не буду предлагать догадаться, что оно значит, потому что, не зная эстонского, это невозможно. *Контактизик* – с эст. *kontaktisik* ‘контактное лицо’, но на практике нам встречалось это слово только в одной сфере и в более узком значении – инспектор-контактер в исправительных учреждениях. Вот я и привел сразу два варианта – разговорный и официальный: первый принят среди заключенных, второй в официальных документах на русском языке. Как такая или подобная должность называется в России и есть ли она, мне пока узнать не удалось. На этом передаю слово своей коллеге.

К. Кару. По поводу влияния диаспоры на язык перевода я добавлю буквально несколько слов. Понятно, что язык диаспоры существует в некоторой условной изоляции. Впрочем, думаю, что в середине–конце 90-х эта изоляция была большей, чем сейчас. В изоляции, естественно, язык развивается параллельно. Возвращаясь к неполной функциональной парадигме, можно еще сказать о влиянии эстонского языка в тех сферах, в которых русский функционирует не в полной мере

просто потому, что государственный язык – эстонский, т.е. все «государственные дела» ведутся на эстонском языке. Если для той части населения, которая этим языком не владеет, нужно переводить документы, то делается это теми средствами, которые оказываются доступны нашим переводчикам. И тут, собственно, мы и сталкиваемся с сильнейшей интерференцией, проявление которой часто, как мне кажется, ошибочно принимают за особенности языка диаспоры. Я не совсем с этим согласна: влияние эстонского проявляется наиболее масштабно в переводных текстах – и из-за почти неизбежной в переводе межъязыковой интерференции, и из-за сомнительного профессионализма огромного числа людей, вообразивших себя переводчиками, и из-за их недостаточной языковой компетенции. Беда в том, что рано или поздно такой деформированный язык будет проявляться (и уже проявляется) и в тех текстах, которые порождаются уже на русском языке.

Р.Э. Романчик. На мой взгляд, большая беда – отсутствие всякого социального запроса на качество языка (полагаю, в России, хоть и в меньшей степени, такая проблема тоже есть). В Эстонии, где большая часть (особенно та, которая нуждается в переводе) русскоязычного населения живет с некоторым комплексом (ввиду недостаточного владения государственным языком, что естественным образом ограничивает карьерные возможности), к качеству перевода на русский нет никаких требований: вам перевели, и скажите «спасибо». Соответственно, нет никакой системы контроля за качеством перевода. Между тем русскоязычное население Эстонии составляет порядка 30 %.

Люди привыкли, что средства массовой информации – это авторитет, пусть не такой, как раньше, но все же. Единственная, не очень желтая, газета, пусть и переводная, на русском языке не выжила по чисто экономическим причинам. Телевизор включаешь – реклама переводная, причем не с английского, а с эстонского.

Вот и пример: «Чтобы животы жителей Эстонии были полны самого лучшего, теперь колбаса «***» полна тем, чем на самом деле и должна быть полна колбаса – мясом» – это текст, который в течение полугода звучал по радио и телевидению. Уродство его очевидно, но никто на это никоим образом не реагирует. С одной стороны, очень трудно найти источник этого текста, потому что это коммерческая тайна (я как-то попытался, но не вышло); с другой стороны, народ спокойно это воспринимает: понятно, и понятно.

Поэтому в Эстонии основную угрозу для русского языка представляет не эстонский язык, не английский, не государство, а равнодушие и небрежность носителей языка.

Я уже несколько раз упомянул об отношении к слову. Сейчас я имею в виду уже не только Эстонию. Сегодня мы наблюдаем установку только на ближайший коммуникативный эффект, то есть мы больше ничего от языка не хотим. Нас поняли – вот и ладненько. А все эти «нюансы смыслов» – это все выдумки филологов. «Не, ну, короче, вы меня поняли».

Так что, по моему убеждению, нам всем нужно уважать себя и свой язык и научить этому младшие поколения: донести до них мысль, что говорить и писать грамотно нужно не потому, что иначе «двойку» поставят, не потому, что так «придумал» Розенталь, не потому, что иначе не поймут (это противоречит жизненному опыту ученика), а потому, что язык – часть, проявление и отражение каждого из нас и всех нас вместе. Ограничивая язык, мы ограничиваем себя. Важно донести, что свобода – это не отсутствие правил, а богатство возможностей. Для языка это также справедливо, как для любой сферы нашего бытия.

И очень важно не быть равнодушно-терпимыми к ошибкам, реагировать на них, тем самым показывая и доказывая, что нам НЕ ВСЕ РАВНО.

Еще один важный момент, культурная установка сейчас – это установка только на ближайший коммуникативный эффект,

то есть мы больше ничего от языка не хотим, здесь я имею в виду не только Эстонию, но и такое расширенное «мы». Нас поняли, и хорошо. А все эти нюансы, смыслы – это все выдумки филологов. Это примерно то, что студенты-слависты на магистерском этапе говорят: «Не, ну понятно же», когда мы анализируем текст и видим, что если бы здесь было другое слово, возник бы новый смысл.

А.П. Чужакин. Спасибо. Я хотел бы добавить, что в моих жилах течет эстонская кровь, мне все это очень интересно и близко. Но все же меня радует то, что несмотря на понятное раздражение режимом с российской стороны, сохраняется все-таки общее культурное пространство, это я видел собственными глазами, когда бывал в Эстонии, и мои коллеги рассказывали. В музыкальных театрах исполняются произведения русских композиторов – Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, литература русская востребована, люди приходят на встречи с русскими, российскими писателями, в театрах ставят русскоязычные пьесы, звучит русская музыка. Все это – очень положительные моменты, и нужно вносить свой посильный вклад в сохранение общего культурного пространства.

Пару слов хотелось бы сказать по поводу социального запроса. Сегодня нет социального запроса на интеллигентность, на грамотность, на начитанность. Мы несемся в догуттенберговскую эпоху, то есть тогда не было книг и никто не читал, а сейчас слишком много книг и тоже не читают. Диалектически получается, что мы возвращаемся в этот момент, хотя тиражи громадны: Донцова Дарья, при всем уважении, 18 млн, наверное, не самый большой тираж и не самый плохой пример, но, все-таки, показывает тенденцию. Многие беды, о которых мы сегодня говорим, происходят от того, что люди перестают читать. Это становится серьезным препятствием обучению грамотного гуманитария, не только переводчика, но и журналиста. Между прочим, неграмотный журналист генери-

рует новую неграмотность. Я на себе ощущаю, что неграмотность, ошибки влияют и на тебя. Ты сам начинаешь думать, правильно ли я говорю или пишу, когда процентов семьдесят студентов пятого курса МГЛУ, пишут «также» в значении «тоже» раздельно, путают возвратный инфинитив «нравится», «нравиться», «хочется». Совершенно не понимают, как пишутся наречия, самое любимое, конечно: «Как насчет Вашего приезда к нам?» Все пишут «насчет» раздельно, потому что все помнят «Положи мне на счет». Так неграмотность генерирует новую неграмотность не только в среде неграмотных, но и в среде достаточно грамотных людей.

Что касается положительных моментов, то их, конечно, достаточно много. Власти сегодня делают много, есть законы, местные инициативы в поддержку русского языка. Что касается «Тайной лингвистической полиции», то мне это все же очень нравится, это своего рода лингвистическая игра «Зарница». Это мобилизует ребят, они ходят, смотрят, находят, записывают эти дикие вывески, надписи, ошибки, затем это обсуждают на занятии, посылают авторам письма, исправляют ошибки, оставляют свои записочки... Это же общественное движение, снизу, это не КГБ, не ФСБ. Я думаю, это очень полезно и к этому нужно призывать. У меня была одна студентка, которая писала в русскую редакцию «Euronews» по поводу ошибок и плохого перевода. Это замечательно, потому что это показывает, что в борьбу за культурные и лингвистические ценности и родной язык вступает движение снизу. И это важно: это показывает, что массы пришли в движение.

И.С. Алексеева. Да, я тоже писала на «Euronews» по поводу ошибок и плохого перевода. Можно я по поводу «Тайной полиции» скажу? Потому что это неодинаковые вещи. Общественное движение снизу, волонтерское движение и «Тайная полиция», это не одно и то же. Когда волонтерское движение, когда каждый отвечает за себя, это мне понятно, но когда

некие люди привыкают судить других, это очень плохо, я считаю, даже если это снизу, опричина нам не нужна.

А.П. Чужакин. Но это не абсолютные вещи, язык-то абсолютен. Это не право, которое допускает, пиши как тебе хочется...

И.С. Алексеева. Но это плохой опыт с точки зрения нравственности. Это, может быть, полезно, но это плохой опыт.

А.П. Чужакин. А как тогда преподаватель, который исправляет?

И.С. Алексеева. А у него есть право.

А.П. Чужакин. Я думаю, у носителя языка тоже должно быть право. Может быть, это делать тактично...

И.С. Алексеева. Ходить записывать и оставлять им записочки?! «Тимур и его команда»...

А.П. Чужакин. Обсуждать ошибки на занятии...

И.С. Алексеева. На занятии я согласна.

А.П. Чужакин. Ну, что... Спасибо большое. Я думаю, в принципе мы обозначили то, что хотели.

Б.В. Кондаков. Со многим из того, что здесь говорилось, я согласен, хотя и не со всем. Хотел бы внести некоторые уточнения в ход наших совместных размышлений. Во-первых, по поводу «кризиса» в русском языке, и кризиса «системного».

Те факты, о которых сейчас упоминалось, свидетельствуют о том, что кризис, кризис *системный*, действительно имеется. Системным этот кризис может считаться потому, что он затрагивает разные сферы жизни и вызван многими причинами.

Другое дело, что такого рода системные кризисы повторяются регулярно: они приводят и к существенным изменениям в языке, и – одновременно – к некоторой его стабилизации. Я бы хотел подчеркнуть, что на самом деле таких кризисов в истории России было не три, а значительно больше.

Прежде всего следует назвать X в., когда начинается христианизация Руси, а в языке и культуре происходят глобальные изменения, связанные с воздействием греческой культуры, старославянского

языка, древнегреческого языка и т.д. Второй период – конец XII – первая треть XIII вв., когда в русский язык вторгается большое количество тюркских элементов. Я имею в виду не только последствия «нашествия монголов», но и воздействие других тюркских языков, например половецкого. Русские князья были двуязычными, потому что нередко они женились на дочерях половецких ханов, и поэтому половецкий (тюркский) язык был языком мам, бабушек, жен русских князей (а также некоторых дружинников), и на нем они свободно говорили. Третий период – XIV–XV вв., связанный со «вторым греческим влиянием», когда происходит множество изменений в системе языка, усиливается воздействие византийской («греческой») культуры, связанное с приездом греческих мигрантов – монахов, которые бежали в Россию из Византии, история которой завершалась. Четвертый период – XVII в., когда в формирующемся русском литературном языке усиливается воздействие народного языка, фольклора. Пятый период – XVIII в., о значении которого для развития русского языка уже говорилось. Шестой период – начало XIX в., эпоха Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, когда окончательно формируется русский литературный язык, когда проходят дискуссии о развитии русского языка (например, спор между «шишковистами» и «карамзинистами» относительно роли заимствований). Все последующие кризисные периоды ранее уже назывались, так что мы видим, что подобные «кризисные» процессы в языке протекали практически каждый век. Возникает впечатление, что в Древней Руси время (в историко-культурном аспекте) текло медленней, поэтому такие кризисы повторялись каждые два – два с половиной века, а начиная с XVII столетия кризисы происходили каждый век. И кстати, многие особенности современного кризисного периода, о которых сегодня уже говорили, уже встречались ранее. Допустим, сейчас мы часто указываем на агрессию английского язы-

ка. Наверное, применительно к русской истории можно было бы говорить об «агрессии» древнеболгарского языка, тюркских языков, французского языка и т.д.

В качестве одного из признаков современного кризиса упоминался рост неграмотности. Я не думаю, что, например, в XIX в. крестьяне в своем большинстве были грамотнее современных школьников: уровень грамотности населения в то время вряд ли был большим, чем сейчас. «Мигранты» на Руси тоже были во все времена, и всегда их присутствие не очень нравилось коренному населению, однако постепенно отношения между различными группами населения улаживались более или менее мирным путем.

Еще один называвшийся признак современного кризиса – криминализация речи. И эта особенность отмечалась тоже неоднократно. Начало криминализации – XIX в., а апогей этого процесса – не сегодняшнее время, а 1920-е годы и даже немного более ранний период. Ведь многие революционеры прошли через каторгу, тюрьмы, ссылки – и занесли в язык слова и грамматические структуры, связанные с местами их недавнего пребывания. Я это понял впервые, когда в 1980-е годы работал в Китае. Одна из китайских преподавательниц переводила с русского языка на китайский произведения достаточного известного в то время писателя Ильи Штермлера, автора натуралистических романов «Утреннее шоссе», «Поезд», «Универмаг» и др. Она работала с романом «Утреннее шоссе», в котором был персонаж – таксист, который торговал водкой по ночам, не брезговал мелким криминалом, как это было принято в его среде. В произведении было множество слов, которые я объяснить переводчице не мог. Я нашел в университетской библиотеке словарь «блатного» русского языка, изданный в Америке в 70-е годы, и в нем все нужные слова присутствовали. В словаре имелась оригинальная вступительная статья, в которой описывался процесс криминализации и его социальные (в том числе лингвистические) последствия для всего ос-

тального общества. В ней делался глобальный вывод о том, что идеал социализма – это идеал большой глобальной тюрьмы, в которой Генеральный секретарь партии по сути играет главного «пахана», который тоже сидит в камере под охраной, но его нары «позолоченные», и он управляет всеми остальными людьми в рамках вверенной ему тюремной камеры. Если учитывать это предположение, то следует делать вывод о том, процесс криминализации языка является достаточно глобальным и продолжительным.

Можно отметить и то, что вторжение в язык ненормативной лексики также наблюдалось неоднократно. В русском языке постоянно происходили процессы, в соответствии с которыми ненормативные слова становились нормативными и наоборот. Например, некоторые слова, считавшиеся в XIX в. «ненормативными», были вполне «нормативными» в XVIII в.

Несколько мыслей по поводу позиции «слабости» или «авторитета» языка, а также «имперского сознания». Эти явления тоже неоднозначные. «Слабость» и «авторитет» языка – явления переменные, зависящие от многих факторов, – геополитических, культурных, экономических. Само по себе понятие «имперское сознание» не должно иметь оценочного смысла. В какой-то момент у нас слово «империя», может быть, под воздействием европейской культурной традиции, по отношению к государству приобрело негативную оценку. На самом деле «империи» всегда были связаны с крупными культурными достижениями человечества, это некие «паровозы истории», всегда дававшие развитию истории новый толчок: Римская империя, Византийская империя, Священная Римская империя, Османская империя, Австро-Венгерская империя и т.д. И кстати, те народы, которые на том или ином этапе своего развития попадали в состав империи, имели больше шансов сохранить свой язык и свою культуру, чем народы, которые просто были завоеваны другим, «обычным» государством. Я полагаю, что республики Прибалтики,

оказавшиеся в составе советской империи (и при этом сохранившие свои языки и культуры!), вряд ли сохранили бы свое культурное своеобразие, оказавшись в составе Германии (а в 1930-е годы вопрос стоял именно так: «или – или»...). Другое дело, что империи не вечны и, просуществовав определенный исторический период (как правило, продолжительностью от двух до пяти сотен лет), они неизбежно разваливаются. Но культурные эпохи в истории создают именно империи, именно по их существованию мы обычно ведем отсчет культурных этапов, да, в общем-то, и истории.

Другое дело, что авторитеты в процессе исторического развития меняются. Весь вопрос в том, ведут ли эти изменения к «лучшему» или «худшему». Например, в странах бывшего «социалистического блока», – в Польше, Чехословакии, Венгрии и др. – все школьники и студенты в обязательном порядке должны были изучать русский язык. По отчетам проходили гигантские цифры количества изучающих русский язык как иностранный в социалистических странах, но в реальности все было не так хорошо: одно дело изучать иностранный язык, когда тебя обязывают это делать, другое дело, когда это нужно лично тебе. В 1970–1980-е годы типичной могла быть ситуация, когда, например, обратившись по-русски с каким-либо вопросом к чеху (в обязательном порядке изучавшему русский язык в школе!), можно было не получить никакого ответа: либо реальный уровень знания им русского языка был невысоким, либо он делал вид, что не ничего понимает, помня о событиях 1968 года. Возможно, сейчас количество изучающих русский язык в десятки раз меньше, чем официально считалось 30 лет тому назад, но теперь это люди, которым русский язык действительно нужен для работы, для ведения бизнеса, для общения с потоком российских туристов. И те тысячи, которые в настоящее время изучают русский язык как иностранный, может быть, стоят тех миллионов, которые изучали его

раньше. Поэтому сравнивать количество изучающих русский язык «тогда» и «сейчас» просто некорректно, поскольку *качественно* это совершенно разные цифры.

Тем не менее, вопрос о престиже, «авторитете» языка очень важен. Бывают ситуации, когда в результате тех или иных изменений языки меняются, расширяют свое воздействие на окружающий мир, создают какую-либо новую систему. А бывают ситуации, когда языки действительно полностью исчезают, становятся «мертвыми». О такого рода процессах я хотел бы тоже сегодня поразмышлять.

Авторитет теряется русским языком не столько по причине большого количества иностранных заимствований или его криминализации, сколько по причине отсутствия у общества заявки на его качество. Думаю, что это гораздо более тревожная тенденция, чем что-либо иное. Я полагаю, это проявление общей для современного российского общества закономерности, выражающейся в отсутствии заявки на качество социальной жизни. Если в советский период появление опечатки в газете (например, в «Правде») было целым событием, которое обсуждалось, по его поводу «принимались меры», которое даже иногда попадало в фольклор, то сегодня ошибки в газетах и журналах никто не замечает; «авторитетность» проявляется в том, что кто-то «имеет право» писать или говорить неграмотно, непонятно (или совершенно не задумываясь о том, что и как он делает). «Властителем дум» оказывается юрист, бухгалтер, «эффективный менеджер» — они нередко и определяют то, каким образом нам приходится писать. Вот это меня сегодня гораздо больше тревожит, чем использование ненормативной лексики. Нередко «сверху» приходят такие документы, которые либо совершенно невозможно понять, либо можно понять совершенно по-разному.

Думаю, что процессы, которые мы наблюдаем сегодня, — это проявление некоего глобального «упрощения» культуры. Культура — это сложное иерархичное явление. А в наше время происходит ее «схло-

пывание», «выравнивание»: вместо «пирамиды» культуры возникает культура-«плоскость». Это проявляется в доминировании «клипового» сознания, в упрощенном понимании истории как «одноуровневого» явления. В сознании современных студентов есть история — «современность» и ближайшее прошлое (то, что было в их личном опыте), и есть обобщенное «давнее прошлое» (в их личном опыте отсутствующее), и в этом прошлом совсем рядом оказываются Владимир Креститель, Владимир Мономах, Иван Грозный, Пушкин, царь Александр II («Освободитель»), Ленин, Сталин и Брежнев... Теперь для студентов младших курсов (первого, второго и даже третьего) самостоятельное создание текста (как устного, так и письменного) становится нерешаемой задачей. Все это свидетельствует о большом нездоровье общества и связанной с ним культуры.

По сути в настоящее время мы на новом витке историко-культурного развития возвращаемся к временам «бесписьменным», а точнее, я бы сказал, к «псевдописьменным»: человек вроде бы «как бы» умеет и читать, и писать, но пользуется этими умениями очень редко и «некачественно». Вместо «своего» текста он делает некий конгломерат, «коллаж», в котором осуществляется некое *консолидирование* «чужих» анонимных вариативных текстов, как это обычно происходило в рамках традиционной фольклорной культуры. Исполнители былин или сказок использовали «готовые» фрагменты текста, так называемые «loci communes» (например о том, как богатырь снаряжает коня, как он вступает в битву, как похваляется перед битвой и уничижает противника и т.д.). И вот сейчас мы возвращаемся к этому «бесписьменному» виду творчества, когда главным способом создания текста оказывается контаминация и «письменная» культура по сути функционирует по «бесписьменному» варианту.

В нашем сознании прочно соединены факт наличия письменности и представление о «высоком» уровне культуры. Нет письменности — значит, культурный уро-

вень этого народа «низкий». Однако «доколумбовые» цивилизации Америки, как правило, письменности не имели (или имели письменность «неразвитую», как узелковое письмо майя), однако у них был довольно высокий уровень цивилизации, они строили грандиозные сооружения. Получается, что уровень технической культуры был достаточно высоким, а письменности не было. Вот и мы начинаем приближаться к такому типу общества.

Кризисы языка сами по себе не опасны, из кризиса язык всегда через какое-то время находит выход. Дело не в кризисе языка и, тем более, не в экономических кризисах, хотя они вносят свою лепту в развитие того или иного народа, а в наличии *глобального цивилизационного кризиса*. У нас сейчас одно накладывается на другое: кризис в языке, кризис в экономике, кризис в культуре. Но самым главным является то, что мы вступили в глобальный *цивилизационный* кризис, из которого быстро не выходят, а когда выходят, то выходят с непредсказуемыми, неожиданными последствиями. И если кризисы в языке происходили, как мы отмечали, регулярно каждые сто-двести лет, то цивилизационный кризис — явление гораздо более редкое.

Первый цивилизационный кризис (или, если так кому-то больше нравится, «революция в сфере культуры») на обозримом отрезке истории происходил примерно в IV–VI вв. до н. э. До этого времени можно говорить о существовании «культуры традиций», воплощенной в мифах. Эта культура уходит, и вместо нее приходит культура, связанная с устным словом, воплощенная в *устном слове*. В центре такой культуры оказывается фигура *Учителя*, который в процессе бесед с учениками порождает новое знание, новый пласт культуры, Учителя, который культуру воплощает в своих учениках (Аристотель, Платон, Конфуций...). И соответственно главной наукой оказывается *риторика*, которая реализуется именно в устном слове, рождающемся в процессе *диалога*.

Следующая «революция в сфере культуры» была связана с формированием христианской культуры, причем даже не столько с формированием, сколько с расцветом христианской культуры. Аналогичная ситуация возникала и в буддийской, и в мусульманской культурах. Связана она была с появлением Книги: культура воплощалась теперь не в устном *слове* Учителя, а в материализованном *письменном* тексте, который представлял собой воплощение *авторитетного знания*. Для европейской культуры главной книгой становится Библия, для мусульманской культуры — Коран и т.д. А функции учителя изменяются: он оказывается «приставленным» к Книге — как ее толкователь, интерпретатор, переводчик. Такая Книга может быть написана сложным *сакральным* языком, непонятным для простого человека, и поэтому необходимым делается *учитель-посредник, комментатор*, который теперь уже не порождает вместе с учениками новое знание, а «переводит» высшее знание на разговорный язык, доступный «обычному» человеку. Такая ситуация полностью меняет систему образования, меняет приоритеты, систему ценностей в обществе.

В ситуации, когда Книга являлась основным *символом*, воплощением Культуры, мы и жили до недавнего времени. Правда, постепенно сами книги менялись: например, в Новое время, наверное, в русской культуре уже не Библия играла главную роль, а другие книги. Если, например, взять русскую культуру XIX в., то для нее большое значение имели произведения русских писателей-классиков и критиков — Пушкина, Белинского, Некрасова, Л. Толстого, Достоевского...

Следующая «революция в сфере культуры», очевидцами которой мы сейчас стали, связана с появлением *экранной* культуры, вытесняющей культуру *книжную*. Книга не исчезает, она теряет свою познавательную функцию, и одновременно теряет свою основную функцию учителя, являвшийся ранее «толкователем» книги. Возникновение «экранной культу-

ры», воплощенной в телевидении и интернете, – это не только смена материального носителя информации, не только изменение типа текста (переход от языкового словесного текста к мультимедийному) – это изменение механизма *функционирования* культуры, *способов общения*, принятого в рамках социума; применительно к литературе и искусству – это переход к новому типу связей между автором, текстом, критиком и читателем (воспринимающим). Правда, в чем-то такая новизна оказывается мнимой.

Интернет, как и фольклор, анонимен по своей сути; в нем часто размещаются многочисленные варианты одних и тех же текстов, при этом для большинства потребителей эта информация «авторитетна», однако «авторство» не имеет никакого значения (это именно информация, а не «текст», не «художественное произведение»!).

В принципе, с одной стороны, появление «экранной культуры» – огромное достижение: человек может быстро получить любую нужную ему информацию. Исчезают многочисленные «посредники» («фильтры») между автором и читателем (цензоры, редакторы, критики, учителя-интерпретаторы и т.п.), дозирувавшие или менявшие первичную информацию (текст). Но все это имеет и оборотную сторону: люди («пользователи интернета») оказываются «заброшенными» в безбрежное море информации, в котором они чаще всего не имеют определенных ценностных ориентиров.

Я уже говорил об «упрощении», «выпрямлении» системы культуры, то есть превращении ее из иерархической «пирамиды» в некую простую одноуровневую структуру. Кстати, такое же явление мы можем наблюдать в современной литературе. В XVIII и в XIX вв. можно было довольно отчетливо выделить произведения «элитарной» культуры и произведения «массовой» культуры – как два крайних полюса, между которыми находилось множество «срединных» уровней. Были, например, Пушкин, Толстой, Достоев-

ский, а были Булгарин или Матвей Комаров, автор «Приключений английского милорда Георга», произведения, которое в России ежегодно огромными тиражами переиздавалось на протяжении всего XIX в. Между ними можно поставить множество писателей – Боборыкина, Немировича-Данченко, Потапенко, Амфитеатрова и многих других, имена которых мы сейчас не помним. В современной литературе граница между «элитарной» и «массовой» литературой исчезла, и это тоже проявление тенденции упрощения культуры.

Вместо подлинников художественных произведений школьники и студенты читают их краткие пересказы. Литература – это аккумулированный опыт человечества: жизненный опыт, опыт эмоциональных переживаний, опыт размышлений, опыт поиска вариативных решений, опыт интерпретации. Этого опыта лишаются учащиеся, когда читают краткий пересказ «Войны и мира», уместающийся на одной странице.

Изменяется и роль памяти в культуре. Речь идет не только об «исторической памяти», но и об обычной «физической» памяти. Сейчас сами студенты нередко отмечают ухудшение своей памяти: «Наша память – это флешка или планшет». Средневековая школа, например, основывалась на заучивании огромного количества информации: школьники должны были наизусть знать библейский текст и множество других текстов. Существовали специальные приемы заучивания большого объема информации. Наверное, когда рушилась средневековая система образования, учителя тоже печалились в связи с тем, что уходит культура прошлого, и им казалось, что исчезает культура в целом. Но пришло иное время, и оказалось, что в новом мире нужна не столько память сама по себе, сколько определенная методология получения нового знания.

Как мне представляется, культура еще не создала адекватных современной ситуации механизмов функционирования; соответствующие механизмы адаптации пока

еще не выработаны ни обществом, ни системой образования, да и сама ситуация нашим обществом еще до конца не осознана. Тип текста меняется – меняется и тип культуры. Молодежь это чувствует и приспосабливается к ситуации: трудно создать «линейный» текст или полностью прочесть «чужой» текст, но зато легко снять видеофрагмент и смонтировать его, создать презентацию или коллаж.

Наша культура столкнулась с ситуацией «нечитания» позже, чем другие культуры, – например, европейская или северо-американская, которые к настоящему моменту сумели создать какой-то механизм противостояния. Похожая проблема всегда существовала в восточной (в частности китайской) культуре. В Китае, например, произведения классиков большинством людей полностью никогда и не читались (не считая специалистов). Классические китайские романы («Троецарствие», «Сон в красном тереме», «Путешествие на Запад», «Речные заводи») – это очень большие произведения, написанные на языке, которым современные китайцы не владеют. Эти произведения большинству известны по небольшим фрагментам, изучаемым в школах, по кратким переложениям или по фильмам. Но фрагменты классических текстов, которые изучаются в школе, интерпретируются очень глубоко, комплексно, в разнообразных исторических, культурных, этических и лингвистических ракурсах.

Русская культура действительно находится в опасности. Мы сегодня хорошо знаем, что цивилизации, государства, культуры не вечны. Рушатся цивилизации, исчезают империи – и не потому, что у них были плохие армии, а оттого, что они не смогли, не сумели должным образом адаптировать свою культуру к современности. Культура «сдается» под влиянием, натиском другой культуры, более агрессивной, более «адаптированной» к своему времени.

Т.Н. Чугаева. Спасибо большое. Позвольте вопрос в уточнение того, о чем Вы говорили. Что Вы вкладываете в по-

нятие «цивилизационного кризиса»? Существует много смыслов, вкладываемых в этот термин. Ваше понимание отличается от того, например, как В.Н. Троицников описывает современный цивилизационный кризис? И второй вопрос: насколько механизмы адаптации могут различаться в англо-саксонской культуре и в русской традиции? Насколько мы близки к поиску этих механизмов?

Б.В. Кондаков. «Цивилизация» – понятие, которое достаточно трудно определить – так же, как и понятие «культура». Существуют сотни определений культуры, и все они в чем-то дополняют друг друга. Такие понятия вроде бы интуитивно, эмпирически понятны: мы все живем в определенной культуре, в рамках той или иной цивилизации, но дать им дефиницию трудно. Так же трудно определяются многие другие глобальные понятия – *материя, сознание...* Для цивилизации характерно единство общественно-экономического устройства, способов общения общества с природой, религии и иных форм культуры. Особо хотел бы сделать акцент на системе традиций, типе связи цивилизации и религии, на связи сознания с духовными основами культуры, которые воздействуют на быт, сознание, поведение и т.д.

Под словом «цивилизация» можно подразумевать и определенный исторический, «технологический» срез общества: в этом смысле мы, например, говорим о глобальной современной «постиндустриальной» («информационной») цивилизации, которая объединяет страны с разными национальными «культурными генами». Сегодня я имел в виду, скорее всего, именно этот аспект цивилизации, который связан с определенными историческими и технологическими изменениями.

Выскажу несколько мыслей по поводу соотношения русской и англо-саксонской культур, а также «агрессии английского языка»: каждая культура пытается по-своему приспособиться к современности. Мне представляется, что сейчас мы совершаем ошибку, отходя от традиционной

для России «гумбольдтовской» системы высшего образования (сохраненной в Советском Союзе), пытаюсь создать синтез «американской» и «китайской» моделей (ухудшающий и ту, и другую!). Мы отошли от академической системы фундаментального высшего образования, но в итоге не пришли и к американской системе: в образовательных программах мы убрали фундаментальность, которой славилась прежняя система, но не ввели и адекватной свободы выбора студентами изучаемых предметов, которая позволяет максимально приспособиться к требованиям рынка. В академической науке уничтожаем структуру Академии наук, которая успешно функционировала и приносила хорошие результаты и в России, и в Советском Союзе; вводим в гуманитарных науках механизм учета цитирования, разработанный американскими фирмами для естественных наук. Самое парадоксальное – это то, что мы «американизируем» свое образование на фоне усиления протестов против агрессивной политики США.

Нужно идти иным путем. Прежде всего, необходимо способствовать возникновению механизмов саморегуляции культуры. В англо-саксонской культуре такой хорошо работающий механизм саморегуляции есть, а в русской культуре он функционирует плохо, можно даже сказать, что он исчезает, разрушается. Один из недостатков русской культуры заключался в том, что в России все реформы (и «хорошие», и «плохие») чаще всего осуществлялись «сверху». Нельзя «сверху» запретить использование ненормативной лексики или иностранных слов: вернее, запретить можно, но результата от этого запрета никакого не будет, пока само общество не осознает свои приоритеты и культура не выработает соответствующий механизм, без которого никакой запрет работать не будет (или даже приведет к результатам, противоположным ожидаемым). Интернет и «экранная культура» предполагают максимальную активизацию людей – только тогда они будут давать эффективный для культуры результат.

Т.Н. Чугаева. Борис Вадимович, самый последний вопрос. Что делать филологам, преподавателям в ситуации системного кризиса?

Б.В. Кондаков. Мне вспоминаются слова Василия Розанова из цикла «Эмбрионы», написанные в 1918 г.: «“Что делать?” – спросил нетерпеливый петербургский юноша. – Как что делать: если это лето – чистить ягоды и варить варенье; если зима – пить с этим вареньем чай».

Нам, еще оставшимся в мире филологам, нужно просто заниматься своим делом, и это будет самое лучшее. Учить людей читать, учить понимать текст, видеть его неоднозначность. По сути дела, мы возвращаемся к тому этапу, с которого все начиналось. Чем занимались Конфуций и Аристотель? Они беседовали со своими учениками, раскрывали суть парадоксов, показывали возможность другого взгляда на привычные ситуации и т.д. Наши студенты могут общаться со всем миром через интернет, посредством социальных сетей, но это общение – виртуальное, мнимое. Они общаются не с живыми людьми, а с некими *масками*. Возникает дефицит реального общения. Студенты любят танцевать, петь, выступать на сцене – в этом они ощущают реальное *общение* и возможность *реального* самовыражения. Я думаю, не нужно что-то особенное придумывать: филолог, занимающийся языком и литературой, может лучше всего организовать продуктивное общение. Текст, полученный из интернета, в каком-то смысле «отчужденный»: это не «мой» текст, но он «приблизился» и частично стал «своим» текстом. Нужно учить жить, восполняя дефицит реального общения.

А.П. Чужакин. Спасибо огромное за эту инициативу, потому что у всех достаточно наболело, и мы пользуемся любой возможностью, чтобы поделиться своими мыслями, особенно с такой понимающей, вдумчивой аудиторией.

Т.Н. Чугаева. Спасибо большое, дорогие коллеги, за интересный разговор.

THE RUSSIAN LANGUAGE: SYSTEMIC CRISIS?

A.P. Chuzhakin¹, I.S. Alexeeva², R.E. Romanchik³, K. Karu⁴, B.V. Kondakov⁵,
T.N. Chugaeva⁶, S.S. Nazmutdinova⁶, N.E. Shpak⁶

¹ Moscow State Linguistic University

² St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation under
The Herzen State Pedagogical University of Russia

³ Institute of Germanic, Romance and Slavonic Philology, University of Tartu

⁴ Centre for Translation, University of Tartu

⁵ Perm State National Research University

⁶ Perm Scientific Centre, RAS UD

On the 4th of June 2014 Perm Scientific Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences held a round table discussion devoted to "The Crisis of the Russian language and culture - is there light at the end of the tunnel?". The issues of the current state of the Russian language were discussed by the participants of the I International Scientific Conference "The Russian language in the bilingual translation discourse" hosted by Perm National Research Polytechnic University (June 2-4, 2014) in Perm. The Conference was organised within the framework of support for the Russian language and education by Ministry of Education and Science of RF and Pushkin State Russian Language Institute.

Keywords: Russian language, crises in the history of the language development, culture of speech.

Сведения об авторах

Чужакин Андрей Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка, Московский государственный лингвистический университет, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38; e-mail: ram40@rambler.ru

Алексеева Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, директор Санкт-Петербургской высшей школы перевода РГПУ им. А.И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, ул. Казанская, 3А; e-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Романчик Ромаши Эрленд, лектор, Институт германской, романской и славянской филологии, Тартуский университет, Юликооли, 18, 50090, Тарту, Эстония; e-mail: romasz.erlend.romantsik@ut.ee

Кару Катрин, кандидат филологических наук, заведующая Центром перевода, Тартуский университет, Юликооли, 18, 50090, Тарту, Эстония; e-mail: katrin.karu@ut.ee

Кондаков Борис Вадимович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, e-mail: kondakovbv@gmail.com

Чугаева Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и философии, Пермский научный центр УрО РАН (ПНЦ УрО РАН), 614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: tatiananch@mail.ru

Назмутдинова Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и философии, ПНЦ УрО РАН, e-mail: svetlana230182@ya.ru

Шпак Наталья Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и философии, ПНЦ УрО РАН, e-mail: shpaknat@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 12.02.2015 г.